

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ И ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД В ОБРАЗОВАНИИ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

**ИНСТИТУТ ПЕДАГОГИКИ, ПСИХОЛОГИИ
И СОЦИОЛОГИИ**

Антонида Лукина

**Культурно-исторический
и деятельностный
подход в образовании**

«Сибирский федеральный университет»

2016

УДК 37.012(07)

ББК 74.022я73

Лукина А. К.

Культурно-исторический и деятельностный подход в образовании /
А. К. Лукина — «Сибирский федеральный университет», 2016

ISBN 978-5-7638-3586-1

В учебном пособии рассмотрены философские, психологические и педагогические основы культурно-исторического и деятельностного подхода. Показаны методические аспекты применения теоретических подходов при реализации ФГОС НОО в условиях современной образовательной практики. Представлены различные модели организации начального образования на основе системно-деятельностного подхода. Предназначено для студентов, обучающихся по направлениям 44.03.03 (050400.62) «Психолого-педагогическое образование» и 44.03.05 (050100.62) «Педагогическое образование».

УДК 37.012(07)

ББК 74.022я73

ISBN 978-5-7638-3586-1

© Лукина А. К., 2016
© Сибирский федеральный
университет, 2016

Содержание

Введение	5
1. Культурно-исторический и деятельностный подход в философии	7
1.1. Историческое значение и сущность культурно-исторического подхода в философии	7
1.2. Методологические предпосылки культурно-исторической теории Л.С. Выготского	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

З.У. Колокольникова, А.К. Лукина, О.Б. Лобанова Культурно-исторический и деятельностный подход в образовании

Введение

Становлению культурно-исторического и деятельностного подхода в образовании и психологии мы обязаны, прежде всего, трудам видного советского психолога Л.С. Выготского (1896–1934) и его последователей: В.В. Давыдова, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, других психологов. Они опирались на общефилософские представления о том, что сознание человека формируется обществом и культурой. Культурно-историческая психология связана с анализом роли медиаторов-посредников (знак, слово, символ, миф) в становлении и развитии мышления и сознания человека.

Знак для Л.С. Выготского – это символ, имеющий определенное, выработанное в истории культуры значение.

Важным источником идей культурно-исторической психологии в XIX–XX вв. являются этнографические и кросс-культурные исследования М. Мид, Леви-Стросса и других ученых.

Безусловно влияние на становление культурно-исторического подхода Л.С. Выготского идей марксизма. Л.С. Выготский использовал материалистическое понимание истории и особенно идеи Ф. Энгельса о роли труда в процессе перехода от обезьяны к человеку. Одним из самых серьезных вопросов, который попытался решить Л.С. Выготский, был вопрос о выяснении значения изготовления и использования орудий для развития высших психических функций.

Большой вклад в развитие теории деятельности внес С.Л. Рубинштейн, который деятельность и сознание рассматривал как две инстанции, образующие нерасторжимое единство, что позволяет строить обучение ребенка через организацию его развивающей деятельности и таким образом создавать условия для изменения системы образования в соответствии с вызовами современной социально-экономической ситуации.

Культурно-историческая психология рассматривает развитие как взаимодействие двух линий: одна – естественное развитие, органический рост и созревание ребенка и другая – тесно связанное с этими процессами культурное совершенствование психологических функций, выработка новых способов мышления, овладение орудиями и культурными средствами поведения.

Настоящее пособие обращено в первую очередь к будущим педагогам-психологам, учителям начальной школы и обеспечивает приобретение студентом знаний методологии культурно-исторического и деятельностного подхода в современной психолого-педагогической науке; сути культурно-исторической концепции – отношения к поведению человека как продукту онтогенеза и филогенеза; проблем взаимосвязи личности и культуры. В пособии обсуждаются реальные примеры реализации культурно-исторического и деятельностного подхода в современных исследованиях и педагогической практике.

Изучение культурно-исторического и деятельностного подхода в образовании как учебного предмета в системе высшего образования имеет особое значение для профессионального становления будущих учителей. Данное пособие позволяет расширить общепсихологический педагогический кругозор студента, способствует выработке ценностного отношения к педаго-

гическому наследию, является важным условием формирования общей и педагогической культуры.

Целью изучения дисциплины является овладение теоретическими основами культурно-исторического и деятельностного подхода в психолого-педагогической науке как парадигмальных оснований современного развития образовательной практики.

Пособие направлено на развитие у студентов познавательной активности, самостоятельности, инициативы, творческих способностей, формирование гражданской позиции; ориентирует на использование в практике своей работы современных психологических подходов. В процессе изучения дисциплины студенты готовятся к организации различных видов учебной и внеурочной деятельности учащихся: игровой, учебно-исследовательской, художественно-продуктивной, культурно-досуговой с учетом возможностей образовательной организации, места жительства и историко-культурного своеобразия региона, овладевают методами организации экскурсий.

Процесс изучения дисциплины обеспечивает развитие абстрактного мышления, анализа, синтеза, способности использовать основы философских знаний, анализировать главные этапы и закономерности исторического развития для осознания социальной значимости своей деятельности, совершенствовать и развивать свой интеллектуальный и общекультурный уровень, готовности использовать знание современных проблем науки и образования при решении профессиональных задач.

У студентов формируется способность создавать образовательную среду и использовать профессиональные знания и умения в реализации задач инновационной образовательной политики; учитывать общие, специфические закономерности и индивидуальные особенности психического и психофизиологического развития, особенности регуляции поведения и деятельности человека на различных возрастных ступенях.

Пособие направлено на развитие у читателя умений проводить рефлексию действительности с психолого-педагогических позиций, опирающихся на культурно-историческую и деятельную парадигмы; анализировать профессиональную деятельность с опорой на методологические принципы культурно-исторического и деятельностного подхода. В пособии раскрывается суть основных понятий культурно-исторической психологии: «культурно-исторический подход», «деятельностный подход», «проблема развития высших психических функций», «структура высших психических функций человека и их социальный генезис»; «орудие и знак в развитии ребенка», «трансформация структуры функций при интериоризации», «социальная среда как источник развития личности»; «проблема знака в формировании высших психических функций»; категория деятельности.

Дисциплина «Культурно-исторический и деятельностный подход в образовании» опирается в своем развитии на базовые знания истории и философии, антропологии и культурологии, общепедагогические дисциплины «История педагогики и образования» «Общая теория обучения и воспитания», общая психология, психология и педагогика развития, ряд других общепсихологических дисциплин.

Учебное пособие состоит из трех разделов: «Культурно-исторический и деятельностный подход в философии» (А.А. Яковлев, Т.В. Окладникова, А.В. Пеленкова), «Культурно-исторический и деятельностный подход в психологии» (Н.В. Басалаева, А.А. Яковлев, З.У. Колокольникова, О.Б. Лобанова), «Культурно-исторический и деятельностный подход в педагогике» (А.К. Лукина, З.У. Колокольникова, О.Б. Лобанова, Н.В. Кулакова). Совокупность этих разделов позволяет обеспечить междисциплинарность при характеристике этих подходов. В каждом разделе изложен теоретический материал, составляющий основу лекционного курса, даны вопросы и задания по каждой теме и список рекомендуемой литературы для выполнения этих заданий.

1. Культурно-исторический и деятельностный подход в философии

1.1. Историческое значение и сущность культурно-исторического подхода в философии

Нет ничего легче, как взамен отсутствующих мыслей создать систему.

О. Шпенглер

В философии одной из важнейших является проблема развития общества и оценки значимости культурных достижений. В XIX–XX вв. сформировались две противоположные трактовки решения этой философской проблемы: монистическая и плюралистическая. Сторонников той и другой предостаточно. Следует отметить, что выбор трактовки важен не только с мировоззренческой точки зрения, но и для претворения в жизнь наших надежд и планов. Монистическая трактовка настолько прочно вошла в социальное бытие, что даже люди, далекие от философии, мыслят и действуют согласно ей. Тем не менее в последнее время в философии наиболее актуальным является плюралистический подход.

Монизм в XIX–XX вв. представлен, прежде всего, учениями Гегеля, Маркса и их последователями, в которых история человечества описана как единый, непрерывный процесс развития. Представители монизма опираются на сложившиеся в XVI–XVIII вв. в Европе идеи о делении мировой истории на три главных культурных периода – античность, средневековье и новое время. Все народы мира, по их мнению, проходят путь от дикости к варварству и далее к просвещенности и цивилизованности. Однако данная трактовка истории имеет свои недостатки, на которые и обратили внимание уже мыслители конца XIX в. Такому монизму свойственен европоцентризм. На основе истории европейских народов делается обобщение обо всей истории человечества. Достижения европейцев в религии, философии, искусстве, науке, технике берутся за эталон, объявляются высшими ценностями. Кроме того, критиками монизма указывается и на проблематичность единства исторического процесса даже на территории современной Европы.

Такая критика развивалась в учениях плюралистического направления в философии XIX–XX вв., которое именуют культурно-историческим (а также цивилизационным) подходом. Но это была не только критика, но создание полноценных философских учений с совершенно другой позиции. Главными категориями этих учений стали понятия «культура» и «цивилизация», смысл которых у этих мыслителей не вполне совпадает. Эти особенности мы рассмотрим ниже.

Наиболее яркими представителями культурно-исторического подхода в философии являются Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби. Их теории являются достаточно самостоятельными, но и преемственными, поскольку каждый автор знал и опирался на работу своего предшественника, критически осмысливая его взгляды, но создавая при этом собственную концепцию. Эти мыслители оказали сильное влияние на развитие современной западноевропейской философии. Позицию критического отношения к монистической трактовке истории, как поддерживая, так и критикуя идеи представителей культурно-исторического подхода, развивали в своих работах такие философы-культурологи, как А. Кребер, А. Швейцер, Дж. Фейблман, П.А. Сорокин, Л.Н. Гумилев, С. Хантингтон, А.С. Панарин и др.

Основателем культурно-исторического подхода стал **Николай Яковлевич Данилевский** (1822–1885) – русский мыслитель, ученый-естествоиспытатель и философ XIX в. Свои взгляды он изложил в книге «Россия и Европа», вышедшей в свет в 1871 г. и выдержавшей еще до конца века пять изданий.

По мнению Данилевского, нет единой непрерывной мировой истории человечества. А существуют *культурно-исторические типы цивилизаций*, каждый из которых обладает оригинальностью, особым характером и темпом развития. Однако любой культурно-исторический тип проходит определенные стадии существования, сходные со стадиями жизни живого организма. Данилевский выделил такие главные типы, которые состоялись и прошли весь путь развития: египетский; китайский; ассирийско-вавилонно-финикийский; халдейский, или древнесемитский; индийский; иранский; еврейский; греческий; римский; ново-семитский, или арабийский; германо-романский, или европейский.

Основываясь на изучении данных типов цивилизаций, Данилевский выводит *законы исторического развития*:

Закон 1. Всякое племя или семейство народов, характеризуемое отдельным языком или группой языков, довольно близких между собой для того, чтобы сродство их ощущалось непосредственно, без глубоких филологических изысканий, составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества.

Закон 2. Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью.

Закон 3. Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций.

Закон 4. Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию или политическую систему государств.

Закон 5. Ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения относительно короток и истощает раз [и] навсегда их жизненную силу» [17, с. 113–114].

Из этих законов вытекает интерпретация понятия «цивилизация» как особой формы культурно-исторического типа, когда можно говорить о его целостности и своеобразии. В этом смысле цивилизация, по Данилевскому, это не нечто устоявшееся, а становящаяся, находящаяся в постоянном изменении совокупность культурных оснований нескольких народов. Эти изменения в разных культурно-исторических типах совершенно не идентичны, поскольку проистекают из «духовных задатков» самих народов, составляющих цивилизацию. Но, несмотря на самостоятельность, политический суверенитет, не отрицается влияние внешних факторов на характер и темп таких трансформаций. А потому понятием «*цивилизация*» охватывается *весь период существования определенного культурно-исторического типа. Культура* понимается им как *вся совокупность созданных данной цивилизацией достижений в материальной и духовной форме*.

По той роли, которую народы сыграли в истории человечества, Данилевский разделяет их на три группы (рис. 1).

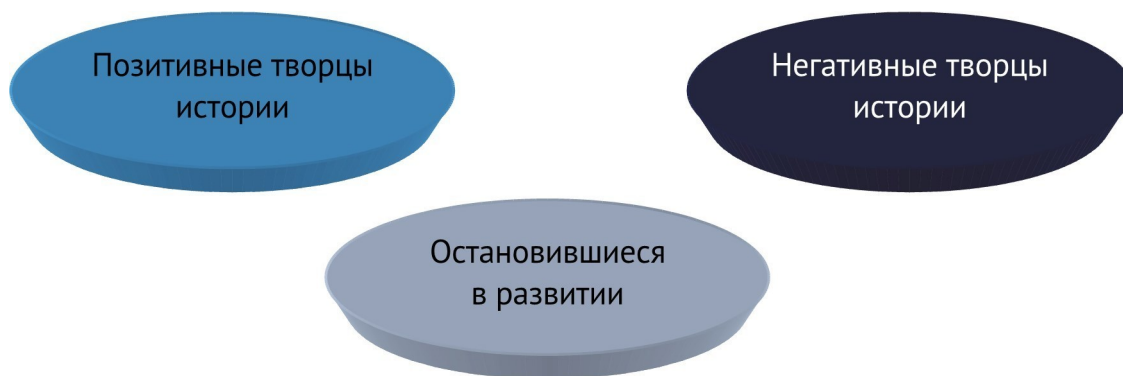

Рис. 1. Группы народов (по Данилевскому)

Позитивные творцы: создатели великих культурных достижений, мощных самостоятельных цивилизаций, внесшие положительный вклад в мировую культуру и историю. К ним философом были отнесены все те народы, которые вошли в десятку уже упоминавшихся выше.

Негативные творцы: народы-разрушители, не имевшие творческого начала, не создавшие своих собственных цивилизаций, но способствовавших уничтожению ослабевших, старых культурно-исторических типов. Это, например, гунны, монголы, турки и т. п.

Остановившиеся в развитии: народы, которые начали творчески создавать свою оригинальную культуру, но не сумели полностью развиться в силу различных причин. Это могло быть завоевание другими более высокоразвитыми народами (майя, ацтеки и т. п.), недостаточные собственные творческие силы или сильное культурное влияние соседей (все остальные).

Но время не стоит на месте, и цивилизации, проживая все стадии живого организма, сменяются другими, не наследуя при этом культуры предшественников (рис. 2). Их достижения могут почитаться, изучаться, цениться, однако они не связаны с новой культурой генетически, а потому не оказывают значимого влияния на ее характер.

Рис. 2. Стадии развития цивилизации (по Данилевскому)

По мнению Данилевского, с XIX в. начинается выход на мировую арену истории нового типа цивилизации – русско-славянской. «Славяне, подобно своим старшим на пути развития арийским братьям, могут и должны образовать свою самобытную цивилизацию, что Славянство есть термин одного порядка с Эллинизмом, Латинством, Европеизмом, такой же культурно-исторический тип» [17, с. 151]. Этот тип находится на стадии становления и лишь набирает силу. Славянам мыслитель отводит особую роль – нового лидера мировой культуры, но такого, который не подавляет и уничтожает других, а позволяет возродиться и создает условия для роста и процветания всех народов мира. Основой здесь является православие, а предназначение ее – создание условий для справедливого и благоприятного обустройства общественно-экономических отношений в человеческом мире.

Культурная деятельность народов мира имеет четыре разновидности: религиозную, собственно культурную (включающую научную, художественную и техническую), политическую и общественно-экономическую. В самых древних культурах (индийской, китайской, египетской) эти виды деятельности еще синкретично (нераздельно) смешаны. Далее идут культуры одно- и двухсоставные: евреи развивали религию, греки – собственно культуру, римляне – политику; европейцы осуществляют политическую и собственно культурную деятельность. А вот стано-

вющийся славянский тип претендует на то, чтобы стать первым четырехосновным типом, в котором осуществляются все виды культурной деятельности.

Данилевский отмечает и тот факт, что культуры не могут быть всегда изолированными друг от друга. Сосуществующие во времени культуры взаимодействуют посредством трех форм:

«пересадки» – распространение культуры одного типа на неспособные к сопротивлению народы;

«прививки» – стороннее воздействие на народы без учета особенностей их собственной культурной основы;

«удобрения» – плодотворное воздействие цивилизации высокого уровня развития на зарождающиеся и становящиеся.

Отношения между различными культурно-историческими типами, по Данилевскому, имеют характер соперничества, борьбы, но каждая культура вносит свой неповторимый вклад в культуру всего человечества. Поэтому Данилевский настаивает на том, что ни одной цивилизации не под силу создать эталон, ни одна не может претендовать на то, чтобы учить других правильному пути развития. Самобытность, неповторимость, оригинальность каждой культуры – вот те ценности, которые позволяют человечеству существовать и находиться в вечном движении.

Идеи Н.Я. Данилевского оказали сильное влияние на западноевропейских мыслителей конца XIX – начала XX в. Одним из первых наиболее ярких его последователей был **Освальд Шпенглер** (1880–1936) – немецкий историк и философ, главным произведением которого является «Закат Европы». Эта книга была написана под впечатлением событий начала XX в. – революций в России и Первой мировой войны в Европе – и издана в 1918 г. Возможно, в силу свежести и яркости впечатлений, ужаснувших многих интеллектуалов того времени, суждения Шпенглера о совершенстве и значимости европейской культуры и политики были более безапелляционны по сравнению с мыслями Данилевского. Шпенглер делает заявления о гибели европейской цивилизации, о ее вырождении, вследствие этого его стали именовать «великим пессимистом».

Бытие мира рассматривается в этой концепции как состоящее из двух миров – природного и исторического. В природном мире господствует необходимость, законы природы отражают количественную характеристику мира, по сути являясь механистическими. Здесь допустимы и даже неизбежны повторы и цикличность. С историей же дело обстоит совершенно иначе. В реальной истории не может быть повторов, всё совершается единожды, необратимо. Здесь отсутствуют закономерности, но есть лишь отдельные идеи, лежащие в основу развития той или иной культуры. И если мир природы исчислим математически, то в мире истории применимы лишь хронологические методы.

Философ выступает против деления истории на три периода в духе европоцентристского монизма: «„Древний мир – Средние века – Новое время” – вот та невероятно скудная и лишенная смысла схема, чье абсолютное владычество над нашим историческим сознанием постоянно мешало правильному пониманию подлинного места, облика и главным образом жизненной длительности той части мира, которая сформировалась на почве Западной Европы со времени возникновения германской империи, а также ее отношений к всемирной истории, т. е. общей истории всего высшего человечества» [55, с. 49]. Но Шпенглер не только отвергает привычную многим схему истории, но предлагает свою: «Я называю эту привычную для западного европейца схему, согласно которой все высокие культуры совершают свои пути вокруг нас, как предполагаемого центра всего мирового процесса, птоломеевой системой истории и противопоставляю ей в качестве Коперникова открытия в области истории изложенную в настоящей книге и заступающую место прежней схемы новую систему, согласно которой не только античность и Западная Европа, но также Индия, Вавилон, Китай, Египет, Арабская культура и куль-

тура Майя рассматриваются как меняющиеся проявления и выражения единой, находящейся в центре всего жизни, и ни одно из них не занимает преимущественного положения: все это отдельные миры становления, все они имеют одинаковое значение в общей картине истории, притом нередко превышая эллинство величиим духовной концепции и мощью подъема» [55, с. 52].

Тем самым Шпенглер выделяет 8 высших культур человечества, только одна из которых (западноевропейская) жива, но находится на стадии разложения и гибели: «Как вполне созревшие образования, каждое из которых, следовательно, является телом достигшей своего полного завершения душевной стихии, можно рассматривать китайскую, вавилонскую, египетскую, индийскую, античную, арабскую, западную культуру и культуру Майя. В качестве находящейся в возникновении перед нами культура русская. Число не достигших зрелости культур невелико: персидская, хеттская и культура Кечуа находятся в их числе» [55, с. 171].

Немецкий философ предлагает новый метод «сравнительной морфологии истории», заключающийся в рассмотрении материальной и духовной культур через их сопоставление у разных народов, признавая, что они самобытны и неповторимы. Шпенглер призывает исследовать культуры как развивающиеся, качественно своеобразные, не только описывать их историю, но и структуру каждой отдельной целостности. К исследователю философ предъявляет жесткие требования. Ученый, взявшийся изучать культуру любого типа, должен уметь выделять великое в череде событий, использовать такие приемы, как вживание, вчувствование, наблюдение, способность к чувственной фантазии. Но всё же подлинное понимание культуры возможно только человеком, принадлежащим душой этой культуре.

Культура трактуется Шпенглером как живое существо высшего порядка, как организм, проходящий стадии жизни живого существа (рис. 3).

Рис. 3. Стадии жизни живого существа

Развитие культуры, замкнутой в себе самой, может происходить в период, охватывающий, как правило, тысячу лет. За это время душа культуры реализует все свои возможности в виде языка, народов, искусства, науки, религии, государственного устройства и т. д. После этого культура вступает в последнюю стадию – стадию цивилизации. В целом Шпенглер разделяет культуры на примитивные и высокие. Причем «примитивная культура – это нечто мощное и цельное, нечто в высшей степени живое и действенное» [56, с. 35], т. е. развивающаяся из собственных оснований и потенций. Высокая же культура возникает на поздней стадии развития и становится началом конца такой культуры. Поэтому примитивная культура – пора созидания и творчества народа, а высокая культура – время окосневания, систематизации и умирания ее. И этот завершающий период развития любой культуры Шпенглер называет цивилизацией: «Что такое цивилизация, понимаемая как логическое следствие, завершение и исход культуры? Потому что у каждой культуры своя собственная цивилизация... Цивилизация есть неизбежная судьба культуры... Цивилизация – это те самые крайние и искусственные состояния, осуществить которые способен высший вид людей. Они – завершение, они следуют как ставшее за становлением, как смерть за жизнью, как неподвижность за развитием, как умственная старость и окаменевший мировой город за деревней и задушевым детством» [55, с. 69]. Как и люди, проживающие свою жизнь, внесшие вклад в общественное бытие, уходят в небытие, так и культуры, отжившие свой срок, уходят навсегда. Их могут помнить и высоко ценить, но вернуть к жизни и далее развивать их уже невозможно.

Характерными чертами цивилизации Шпенглер считает доминирование городской культуры (урбанизацию), наличие мегаполисов, космополитизм, научный атеизм, власть денег,

жажду власти и империализм. Здесь нет места семейным родственным отношениям, культ природы, подлинной религиозности, направленности на углубление народной культуры.

Стало быть, *цивилизация – это завершающая стадия развития культуры, период упадка и разложения*. Но в таком состоянии культура может пребывать достаточно долго, даже испытывать короткий всплеск новой религиозности, но рано или поздно это приводит либо к окончательному вырождению и гибели ее, либо может стать основанием новой культуры.

Следующим представителем культурно-исторического подхода по праву можно назвать **Арнольда Тойнби** (1889–1975) – английского историка и культуролога.

Главный труд его жизни – книга «Постижение истории», над которой он работал более четверти века. Это был период Второй мировой войны и послевоенное время. Новые, еще более ужасающие бедствия народов Европы подвигли А. Тойнби на переосмысление видения истории как поступательного, прогрессивного развития и утверждения уникальности каждой культуры, разрозненного существования «локальных цивилизаций». Этот мыслитель стал не только сторонником культурно-исторического подхода, но и существенно дополнил его новой терминологией и довольно оригинальным описанием механизма развития цивилизации.

Тойнби признает существование как примитивных обществ, так и цивилизаций. Но различие с учением Шпенглера значительное: «Примитивные общества обладают сравнительно короткой жизнью, они ограничены территориально и малочисленны. Жизнь цивилизаций, сплоск которых едва достигает двузначного числа, наоборот, более продолжительна, они занимают обширные территории, а число людей, охватываемых цивилизациями, как правило, велико. Они имеют тенденцию к распространению путем подчинения и ассимиляции других обществ – иногда обществ собственного вида, но чаще всего примитивных обществ» [51]. Примитивные общества и цивилизации – это не стадии развития единого массива народов, как у Шпенглера, а совершенно разные группы обществ. Хотя, безусловно, цивилизации не могут возникнуть ниоткуда, они, конечно же, проходят стадию примитивного состояния, но они отличаются как семя от ростка – видом, качеством существования, темпом развития.

Примитивные общества могут существовать сотни тысяч лет и практически не меняться, их существование определяется традицией. Цивилизации зарождаются либо путем мутации из примитивных обществ, либо путем рождения родственно связанных цивилизаций. Характерным регулятором общественных отношений как в примитивных обществах, так и в цивилизациях является мимесис «как приобщение через имитацию к социальным ценностям» [51]. Но это свойство проявляется не одинаково: в примитивных обществах мимесис направлен в прошлое, обеспечивается традицией и устоявшимися, неизменными формами власти (авторитет старейшин или предков), а «в цивилизациях мимесис ориентирован на творческие личности, которые оказываются первооткрывателями на пути к общечеловеческой цели. В обществе, где мимесис направлен в будущее, обычай увядает и общество динамично устремляется по пути изменений и роста» [51].

Что же заставляет выйти общество из статичного состояния? Каков механизм развития цивилизаций? Тойнби предлагает свой ответ на эти вопросы, подтверждая свои рассуждения весьма богатым историческим материалом (рис. 4). Творческая элита, которая всегда составляет меньшинство, выбирает направление развития, а заставляет элиту делать выбор ситуация, которую Тойнби назвал «вызов-и-ответ». Как правило, это серьезные, устойчивые изменения в окружающей среде – засуха, наводнение, резкое изменение климата и т. д. Такой вызов природы заставляет людей искать выход из ситуации, которых может быть два – уклонение и творческий ответ на вызов. Те элиты общества, что способны найти такой выход, достигают определенных успехов и тем самым создают цивилизацию. Но есть примитивные общества, которые, по мнению Тойнби, либо «не замечают» вызова, либо успешно уклоняются от него –

продолжают жить на прежнем уровне, а впоследствии могут стать расходным материалом для иной цивилизации (быть поглощенными или уничтоженными ею).

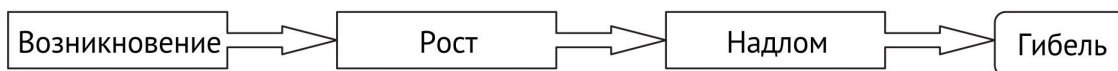

Рис. 4. Стадии развития цивилизации (по Тойнби)

Стимулом для формирования и развития цивилизации становятся не только неблагоприятные условия жизни, но и окружение соседних народов. Они также совершают «вызов», а элита должна найти способ преодолеть трудности и выбрать верный путь развития. Но какими бы ни были причины зарождения цивилизации, творческая элита должна всегда находиться в состоянии напряженности и давать правильные, благоприятные для самобытного роста «ответы». Если же элита оказывается не способной исполнить свою задачу, то происходит надлом в культуре и творческая элита превращается в господствующую, а ведомое большинство формирует в своей среде «внутренний пролетариат», который уничтожает неудобную элиту. То же может происходить, если внешние угрозы не могут быть нейтрализованы, и уже «внешний пролетариат» выполняет роль могильщика элиты. В некоторых случаях «внутренний пролетариат» и «внешний пролетариат» могут объединяться. Но цивилизация не может сгинуть одномоментно, она продолжает сопротивляться, порождая так называемое «*универсальное государство*» и «*универсальную церковь*». По истечении некоторого времени упадок всё же приводит к гибели «*универсального государства*», а «*универсальная церковь*» превращалась в «*куколку*» – зародыш новой цивилизации.

В работе «Закат Европы» среди цивилизаций Тойнби первоначально выделял 21, но в процессе исследования сократил их число до 12. Причем его классификация является довольно сложной по структуре. За основу классификации он берет такие признаки, как религиозный и территориальный. Сначала рассматривает их по отдельности, затем сводит в единую систему, в результате получая следующий список:

- 1) египетское + андское;
- 2) китайское + минойское + шумерское + майяское;
- 3) сирийское;
- 4) индское + хеттское + эллинское;
- 5) западное;
- 6) православное христианское (в России) + дальневосточное (в Корее и Японии);
- 7) православное христианское (основное) + дальневосточное (основное);
- 8) иранское;
- 9) арабское + индуистское;
- 10) мексиканское;
- 11) юкатанское;
- 12) вавилонское [51].

Все эти цивилизации имеют свои сроки существования, разные по длительности и итогам. Некоторые исчезли с лица Земли, некоторые продолжают существовать и развиваться, а иные оказываются в состоянии спячки: «все примитивные общества, дошедшие до нас в статичном состоянии, когда-то находились в движении; и все общества, ставшие цивилизациями, рано или поздно тем или иным способом придут к статическому состоянию. Примитивные общества нашего времени статичны, потому что они оправляются от напряжения, которое и ввергло их в данное состояние. Это не смерть, а спячка. Окаменевшие цивилизации статичны, потому что они утратили жизнь в результате неудачной попытки перейти из одного состояния в другое. Они мертвы. И смерть их нельзя ни опровергнуть, ни преодолеть. Их участь – распад,

только разлагаться они будут с различной скоростью: одни – как тело, другие – как древесный ствол, а иные – как камень на ветру» [51].

В последние годы жизни Тойнби приходит к переосмыслению своей теории, видя ошибку в том, что необоснованно распространял свойства эллинистического типа на все другие цивилизации. В итоге он пришел к описанию трех моделей культур – эллинистической, китайской и израильской. Но и в этих разных моделях он стремился найти нечто общее и создать некую единую теорию культуры всего человечества, основанной на принципе мозаичности, заключающемся в том, что каждая культура самоценна, но все они связаны воедино благодаря сложной системе взаимодействия и взаимозависимости.

Несмотря на самостоятельность и оригинальность трактовок у представителей культурно-исторического подхода есть немало общего. В основе любой цивилизации, по их мнению, лежит определенная предпосылка – главная идея, определенный символ (этика, эстетика, закон, деньги и т. п.). Другой немаловажный фактор становления культуры – религия, которая стала на определенном этапе организатором и объединителем народов, придавала особый характер и направленность развития цивилизаций. Всеми авторами данного подхода признается, что на арене истории человечества существовало великое множество народов, однако только некоторые из них смогли создать действительно великие цивилизации, оставившие о себе память в веках.

Тем самым можно сказать, что теория культурно-исторических типов открыла новую страницу в современной философии. Труды этих мыслителей достаточно обширны и богаты историческим материалом. Мы остановились лишь на самых значимых идеях представителей культурно-исторического подхода. Проблемы, поднятые ее основными теоретиками, продолжают исследоваться и сейчас. Если же рассматривать данный подход с позиции современности, можно увидеть некоторое сходство с современными идеями синергетики, которая также относится к плюралистическому направлению в философии.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Что общего между теориями Данилевского, Шпенглера и Тойнби?
2. Каковы различия указанных концепций?
3. Какова оценка русской (славянской) культуры в работах представителей культурно-исторического подхода?
4. В чем состоят отличия трактовок понятия «цивилизация» у Данилевского, Шпенглера и Тойнби?
5. Поясните суть метода сравнительной морфологии. Кто его автор?
6. Какую роль играет мимесис в теории А.Тойнби?

Рекомендуемая литература

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Составление и комментарии Ю.А. Белова / отв. ред. О. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008. 816 с.
2. Тойнби А. Постигание истории. М.: Айрис-Пресс, 2002. Режим доступа: http://royallib.com/read/toynbi_arnold/postigenie_istorii.html#0
3. Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск: Наука, 1993. 592 с.
4. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. и прим. И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. 606 с.

1.2. Методологические предпосылки культурно-исторической теории Л.С. Выготского

В мировой философии достаточно давно появилось представление о том, что сознание человека формируется обществом и культурой.

Идея культурной психологии была тесно вплетена в споры между психологами на рубеже столетий относительно того, на что должна опираться психология как наука. В 1879 г. В. Вундт открывает лабораторию в Лейпциге. Его по праву окрестили впоследствии «отцом экспериментальной психологии». При этом Вундт убедительно доказывал, что изучение культуры должно стать неотъемлемой частью психологии, фактически ее половиной. Одна часть новой науки, которую Вундт назвал физиологической психологией, отводилась попыткам разложить содержание индивидуального сознания на составные части с целью сформулировать универсальные законы, согласно которым эти элементы объединяются в целое. Для этого испытуемых тщательно обучали методу интроспекции.

Другая часть психологии, психология народов, была задумана Вундтом как историческая, описательная наука. Ей надлежало изучать высшие психологические функции, в том числе процессы, связанные с мышлением и языком. Высшие психологические функции проявляются в объективных продуктах культуры – языке, искусстве, мифологии, социальных устоях, законах, морали. Экспериментальный метод здесь был невозможен.

Безусловно, все эти идеи принадлежали не одному лишь Вундту. Они естественным образом продолжали то направление немецкой мысли, истоки которого можно проследить вплоть до начала XIX в. и даже раньше.

Направление исследований, заявленное В. Вундтом, в ходе становления психологии как науки претерпевало различные изменения.

Кросс-культурные исследования выявили культурное разнообразие в протекании психической жизни. «Если дети изучаются в рамках единственной культуры, многие события воспринимаются как часть человеческой природы и поэтому не рассматриваются в качестве переменных. Только когда обнаруживается, что другие народы не имеют практики, которую мы считали атрибутом человеческой природы, за этой практикой признается значение переменной» [29, с. 17]. Здесь, кстати, можно сослаться на классическую работу М. Мид «Культура и мир детства» [45]. Таким образом, психологи должны проверять справедливость выявленных закономерностей для разных культур, прежде чем считать их установленными.

Совершенно по-новому эта проблематика предстала в работах советского психолога Л.С. Выготского (1896–1934). В книге А.А. Леонтьева можно прочитать о жизненном пути этого замечательного человека [30]. Мы сейчас попробуем проанализировать, в чем состояла концепция развития человека по Выготскому.

Для того чтобы понять культурно-историческую психологию Л.С. Выготского, необходимо учесть общий социально-исторический и культурный контекст, конкретную познавательную ситуацию, которая сложилась в 20-х – начале 30-х гг. XX в. в советской психологии и вообще в науке.

Культурно-историческая концепция сформировалась в сложный и противоречивый период становления СССР на фоне огромных трудностей социального преобразования. В 1920-е гг. ощущалось несоответствие между новой общественной практикой и существующими научными теориями (в данном случае – психологическими теориями). В связи с этим происходил интенсивный поиск новых подходов. Не случайно данный период характеризуется небывалым взлетом творчества в науке, искусстве, да и во всех областях общественной жизни.

В соответствии с господствующей идеологией основой развития советской науки должен был стать марксизм как система философских, экономических, социально-политических взглядов.

«Капитал» – главный труд Карла Маркса по политической экономии, содержащий критический анализ капитализма. Работа написана с применением диалектико-материалистического подхода, в том числе к историческим процессам. Во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. были опубликованы ранние рукописи К. Маркса и возникла тенденция их применения для обоснования новой психологии.

Л.С. Выготский был одним из первых мыслителей, которые осознали значение «Капитала» К. Маркса для психологии. В 20-е гг. Выготский фиксировал, что «психология сейчас есть психология – до "Капитала"» [7, с. 422].

Л.С. Выготский не был доволен тем, как понимали теорию марксизма в то время, в частности, его не удовлетворяло применение её в качестве голой схемы и навязывание извне частным наукам. «Диалектический метод вовсе не един – в биологии, истории, психологии. Нужна методология, т. е. система посредствующих, конкретных, примененных к масштабу данной науки понятий» [7, с. 419].

Выготский возражал против фрагментарного восприятия и применения марксизма и цитатничества. «Я не хочу узнать на даровщинку, скроив пару цитат, что такое психика, я хочу научиться на всем методе Маркса, как строят науку, как подойти к исследованию психики. Поэтому марксизм не только применяют не там, где надо (в учебниках вместо общей психологии), но и берут из него не то, что надо: не случайные высказывания нужны, а метод» [7, с. 421].

В «Капитале» Маркс использует логический метод восхождения от абстрактного к конкретному. Из «клеточки», содержащей противоречие, выводится вся система понятий. Для Маркса такой клеточкой была классическая связка «товар – деньги – товар». Л.С. Выготский искал элементарную «клеточку» психологии; в качестве таковой он рассматривал категории «значение», «переживание», «реакция»; но он так и не пришел к окончательному выводу по этому вопросу [7].

Л.С. Выготский использовал материалистическое понимание истории и особенно идеи Энгельса о роли труда в процессе перехода от обезьяны к человеку. Одним из самых серьезных вопросов, который попытался решить Л.С. Выготский, был вопрос о выяснении значения изготовления и использования орудий для развития высших психических функций.

В своих работах К. Маркс и Ф. Энгельс пытались заглянуть в будущее – описать новое, посткапиталистическое общество. Под влиянием идей о будущем бесклассовом обществе Л.С. Выготский пишет статью «Социалистическая переделка человека». «Новые формы труда создают нового человека, и этот новый человек будет только по имени напоминать старого человека – как, по выражению Спинозы, лающее животное напоминает небесное созвездие Пса» [11, с. 277]. «Новое общество создаст нового человека. Когда говорят о переплавке человека, как о несомненной черте нового человечества, и об искусственном создании нового биологического типа, то это будет единственный и первый вид в биологии, который создаст себя сам...» [14, с. 436]. Для советской психологии был важен акцент на возможностях формирования личности в социально желательном направлении. Что в итоге получилось, что является отличительными чертами советского человека, исследуют уже в наше время [2].

Задачу создания новой психологии, которую поставил Л.С. Выготский, невозможно было решить на основе только марксизма.

Исследователь творчества Л.С. Выготского Н. Вересов констатировал, что не только марксизм повлиял на формирование идей Выготского, но и труды других мыслителей, таких как Г.Г. Шпет, П.П. Блонский, П.А. Сорокин, В.Э. Мейерхольд, литература Серебряного века [18].

Представления о знаково-символической основе сознания и его смысловом строении, развитие Л.С. Выготским, связаны с теорией и практикой русского символизма, наиболее ярко проявившегося в поэзии, в живописи, в театре и киноискусстве. Символизм выступил как оппозиция натурализму в искусстве, что отчетливо прослеживается в трудах и стихах А. Белого, А. Блока, Вяч. Иванова, в спектаклях В. Мейерхольда, фильмах С. Эйзенштейна. «У Л.С. Выготского – великолепного знатока искусства – эта оппозиция приняла форму научного протеста против натурализма в психологии» [19, с. 53–54].

По мнению В.П. Зинченко, культурно-историческая психология связана с анализом роли медиаторов (знак, слово, символ, миф). Именно такая ориентация Л.С. Выготского давала основания упрекать его в идеализме, в отсутствии связи его теории с марксизмом [19, с. 103].

Еще при жизни Выготского критиковали за то, что он не применяет классовый подход и не является марксистом. Директор института психологии В.Н. Колбановский говорил: «Я никогда не признавал эту теорию как теорию марксистскую или приближающуюся к марксизму. Но если разобраться в корне самой теории, то она требует сейчас самой обстоятельной критики как теория антимарксистская, как теория, не выходящая за пределы буржуазного понимания историзма, а следовательно, в корне враждебная марксизму» [6, с. 143].

Выготский очень болезненно воспринимал подобную критику, в конечном счете приведшую к запрету культурно-исторической концепции более чем на 20 лет.

После «возвращения» культурно-исторической психологии возникла противоположная тенденция: в научной и учебной литературе стали подчеркивать марксистскую направленность культурно-исторической психологии.

Предвзятое идеологическое отношение к Выготскому было не только в СССР, но и на Западе. В первых переводах произведений Выготского на английский язык отбрасывались его высказывания о Марксе, Плеханове, считалось, что они являются данью официальной пропаганде [18].

Культурно-историческая психология возникла как учение о культурно-историческом происхождении высших психических функций. В отличие от глубинной психологии (психоанализа) и поверхностной психологии (бихевиоризма) культурно-историческая психология возникла как вершинная психология в двух смыслах. Первый заключается в том, что центр исследования был перемещен на изучение высших психических функций. Образно говоря, культурно-историческая психология привела к изменению топографии психических процессов.

Второй смысл в том, что культурно-историческая психология открыла возможность рассмотрения человека и его психических функций не в застывшем состоянии, в данности, а в перспективе. Человек выступил не только как он есть в данный момент, но и как он может быть в ближайшей и даже в отдаленной перспективе. С этой точки зрения культурно-историческая психология привела к изменению понимания не только топографии, но и временного измерения психических функций, которые предстали не как готовые состояния, а как процессы на уровне и онтогенеза, и филогенеза.

В рассуждениях Л.С. Выготского Ю.Б. Гиппенрейтер выделяет три крупные логические части [13].

1. Человек и природа. Ее основное содержание можно сформулировать в виде двух тезисов.

Первый тезис заключается в следующем: при переходе от животных к человеку произошло кардинальное изменение отношений субъекта со средой. На протяжении всего существования животного мира среда действовала на животное, видоизменяя его и заставляя приспосабливаться к себе. С появлением же человека начался противоположный процесс. Человек ознаменовал свое появление тем, что начал действовать на природу и видоизменять ее. Вторым

тезис: человек оказался способен к овладению природой благодаря использованию орудий, а в целом благодаря развитию материального производства.

2. Человек и его собственная психика. Она содержит также два положения.

Первое положение заключается в том, что способность подчинить себе природу не прошла бесследно для человека – он научился также овладевать собственной психикой. Появились произвольные формы деятельности, или высшие психические функции, в частности, произвольное внимание, произвольная память. Человек способен заставить себя запомнить некоторый материал, обратить внимание на какой-либо предмет, организовать свою умственную деятельность.

Высшие психические функции при этом противопоставлялись низшим, или натуральным (природным), психическим функциям, которые есть у животных и которые человек имеет с рождения.

Второе положение: подобно тому, как человек овладевает природой с помощью орудий, он контролирует собственное поведение тоже с помощью орудий, но только орудий особого рода – психологических. Эти психологические орудия Л.С. Выготский называл знаками.

Знаки – это искусственные средства, с помощью которых уже первобытный человек смог овладеть своим поведением, памятью и другими психическими процессами. «Узелок на память» или зарубка на дереве тоже выступают как знак, как средство, с помощью которого овладевают памятью. Например, человек увидел зарубку и вспомнил, что надо делать.

Знак для Л.С. Выготского – это символ, имеющий определенное, выработанное в истории культуры значение. Эта трактовка символа идет еще от ранних работ Л.С. Выготского по психологии искусства и от всей его гуманитарно-филологической культуры. «Здесь можно выделить несколько направлений, особенно сильно повлиявших на Л.С. Выготского:

- историческое языкознание (Гумбольдт – Штейнталь – Потенция);
- «ОПОЯЗ» (общество по изучению языка) и близкие по духу исследователи, в частности М.М. Бахтин;
- символизм в литературе и искусстве начала XX в.;
- этнопсихология (Л. Леви-Брюль, Р. Турнвальд);
- возможно, собственно семиотические работы Ф. де Соссюра.

Идея знака как психологического орудия в теории Л.С. Выготского является одним из наиболее успешных примеров приложения семиотических идей к психологии» [15, с. 72].

3. Генетические аспекты. Откуда у ребенка берутся средства-знаки? Как происходит усвоение знаков в онтогенезе?

По мнению Л.С. Выготского, в развитии ребенка надо различать две линии: одна – естественное развитие, и другая – тесно связанное с процессами общеорганического роста и созревания ребенка культурное совершенствование психологических функций, выработка новых способов мышления, овладение культурными средствами поведения. «Так, например, ребенок старшего возраста может запоминать лучше и больше, чем ребенок младшего возраста, по двум совершенно различным причинам. Процессы запоминания претерпели в течение этого срока известное развитие, они поднялись на высшую ступень, но по какой из двух линий шло это развитие памяти – это может быть определено только при помощи психологического анализа. Ребенок, может быть, запоминает лучше потому, что развились и усовершенствовались нервнопсихические процессы, лежащие в основе памяти, развилась органическая основа этих процессов. Но развитие могло идти и совершенно другим путем. Органическая основа памяти могла и не измениться за этот срок сколько-нибудь существенным образом, но могли развиваться самые приемы запоминания, ребенок мог лучше научиться пользоваться своей памятью, он мог овладеть мнемотехническими способами запоминания, в частности – способом запоминать при помощи знаков» [10].

В действительности всегда могут быть открыты обе линии развития, потому что ребенок старшего возраста запоминает не только больше, чем ребенок младшего, но он запоминает также иначе, иным способом. В процессе развития происходит все время это качественное изменение форм поведения, превращение одних форм в другие. Ребенок, который запоминает при помощи географической карты или при помощи плана, схемы, конспекта, может служить примером такого культурного развития памяти.

Как же Л.С. Выготский интерпретировал процесс перехода внешнего знака во внутреннюю форму, его встраивание в психическую функцию?

В культурно-исторической психологии важным является положение о том, что всякая высшая форма поведения возникает в своем развитии дважды:

- сначала в коллективной форме (как функция интерпсихологическая): сначала взрослый действует словом на ребенка, побуждая его что-то сделать, потом ребенок перенимает способ общения и начинает словом воздействовать на взрослого;
- затем во внутренней (как функция интрапсихологическая): наконец, ребенок начинает воздействовать словом на самого себя.

Превращение интерпсихологических отношений в интрапсихологические Выготский назвал процессом интериоризации. В ходе него происходит превращение внешних средств-знаков (зарубки, коготь, жребий, громко произнесенное слово) во внутренние (образ, элемент внутренней речи и т. п.).

Итак, у Л.С. Выготского человек является носителем знака, в котором отражается все богатство культуры (и человеческих отношений, и отношений человека к предметам окружающего мира).

Позиция Л.С. Выготского: сознание не созревает в социальном контексте, а образуется из интериоризированных социальных отношений.

Это означает, что дети склонны использовать по отношению к самим себе те формы поведения, которые окружающие проявляют по отношению к ним.

Таким образом, в концепции Выготского можно выделить два ключевых положения.

Во-первых, высшие психические функции имеют опосредованную структуру.

Во-вторых, для процесса развития психики человека характерна интериоризация отношений управления и средств-знаков.

Человек принципиально отличается от животного тем, что он овладел природой с помощью орудий. Это наложило отпечаток на его психику: он научился овладевать собственными высшими психическими функциями. Для этого он также использует орудия, но орудия психологические. В качестве таких орудий выступают знаки, или знаковые средства. Они имеют культурное происхождение, причем универсальной и наиболее типичной системой знаков является речь.

Следовательно, высшие психические функции человека отличаются от психических функций животных по своим свойствам, строению и происхождению: они произвольны, опосредованы, социальны.

Ощущая явную нехватку столь необходимых для подкрепления новой теории данных, Л.С. Выготский и А.Р. Лурия организовали в начале 1930-х гг. две экспедиции в Центральную Азию. Целью этих исследований было получить непосредственные эмпирические данные относительно исторического развития когнитивных функций.

Эти исследования обеспечили необходимую поддержку тезиса об исторической и культурной детерминации человеческой психики. Лурия отмечает, что неграмотное население Узбекистана решало предложенные в эксперименте задачи на классификацию (цветные нити, геометрические фигуры, разнообразные предметы), логические умозаключения и самоанализ качественно иным способом, нежели их соседи, вовлеченные в коллективное сельское хозяйство и/или получившие образование [28].

Одной из ключевых проблем культурно-исторической теории является проблема соотношения обучения и развития, она важна как для психологии, так и для педагогики.

Процессы развития в этом подходе не совпадают с процессами обучения; эти процессы едины, но не тождественны. Процессы обучения переходят во внутренние процессы развития. Однако не всякое обучение выполняет роль движущей силы развития. Может случиться и так, что оно будет бесполезным или даже затормозит развитие.

Чтобы обучение было развивающим, оно должно ориентироваться на начинающиеся (а не завершившиеся) циклы развития, на зону ближайшего развития ребенка.

Л.С. Выготский ввел понятие «зона ближайшего развития» в начале 1930-х гг. [9]. Зона ближайшего развития – это расстояние между уровнем актуального развития ребенка, которое определяется с помощью задач, решаемых самостоятельно, и уровнем возможного развития, определяемым с помощью задач, решаемых под руководством взрослых. Зона ближайшего развития характеризует степень расхождения между уровнем актуального развития и уровнем потенциальных возможностей. Важно не то, что ребенок умеет, а то, чему он может научиться с помощью взрослого.

Зона ближайшего развития, по Выготскому, определяет не созревшие еще, но находящиеся в процессе созревания психические функции: то, что ребенок сегодня делает с помощью взрослых, завтра он сумеет сделать самостоятельно. Понятие зоны ближайшего развития является прямым следствием закона высших психических функций, лежащего в основе всей культурно-исторической теории: «Всякая высшая психическая функция в развитии ребенка появляется на сцене дважды – сперва как деятельность коллективная, социальная, второй раз как деятельность индивидуальная, как внутренний способ мышления ребенка» [8, с. 387]. Переход от коллективной формы деятельности к индивидуальной осуществляется благодаря процессу интериоризации, пронизывающему и обеспечивающему весь ход детского развития.

К сожалению, Л.С. Выготский не успел завершить разработку концепции зоны ближайшего развития, однако, чувствуя грандиозный потенциал этого понятия, отмечал, что оно применимо не только к интеллектуальной сфере ребенка, но и к другим сторонам детской личности, потому что «развитие внутренних индивидуальных свойств личности ребенка имеет ближайшим источником сотрудничество (понимая это слово в самом широком смысле) с другими людьми» [9, с. 265].

Исследования зоны ближайшего развития продолжаются в современной психологии.

В зарубежной психологии близким к зоне ближайшего развития является понятие скаффолдинга (scaffolding) [2, 27]. D. Wood, J. Bruner & G. Ross определяют его как процесс, позволяющий ребенку найти решение проблемы или выполнить задание, с которым он не может справиться самостоятельно [2].

Как правило, скаффолдинг описывается посредством указания на виды помощи, которые в большей или меньшей степени помогают ребенку решить задачу. Авторами выделены функции взрослого, принцип обучающего взаимодействия и основные типы помощи ребенку: показ, вербальное указание ошибки, прямая вербальная инструкция [27].

Г.А. Цукерман [54] говорит о необходимости описывать зону ближайшего развития не на языке содержания задач, а на языке видов помощи (типов взаимодействия), которые помогают ребенку решить задачу, и выделяет два возможных типа взаимодействия:

1) взаимодействие, в котором помощь взрослого выполняет функцию «строительных лесов» (то, что в зарубежной психологии называется «scaffolding»). Такой тип взаимодействия обеспечивает усвоение, но не порождение знания. Поэтому такое взаимодействие характерно для зоны актуального обучения, но не развития;

2) взаимодействие, инициированное ребенком, где он выступает как субъект освоения действия, осуществляемого лишь с помощью взрослого. Это и есть выход в зону ближайшего развития.

Таким образом, по Г.А. Цукерман, зона ближайшего развития – «особая форма взаимодействия, в котором действие взрослого направлено на порождение и поддержку инициативного действия ребенка» [54, с. 61].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.